

Одна макушка тянет за собой другую

Решающую роль в моем путешествии в Антарктиду сыграла шарообразность Земли.

Как и всякая планета, наша Земля имеет два полюса. К одному из них, Северному, я пробирался на дрейфующей льдине, о чём поведал в повести, неосмотрительно названной «У Земли на макушке». С тех пор, стоило мне увидеть кого-либо из знакомых, как тот делал вид, что не верит своим глазам.

— Нет! Это не ты! Ибо ты давно уже должен был махнуть на вторую макушку!

— А почему, собственно, я должен на неё махнуть? — поначалу удивлялся я.

— Как почему! — восклицал знакомый и долго мне внушал, что тему нужно «кольцевать» и что он на моем месте давно уже рвался бы на собаках к Южному полюсу. К сожалению, заключал знакомый, радикулит заставляет его рваться на самолёте в Сочи.

Едва я успевал посылать ко всем чертям одного советчика, как появлялся другой

— Когда порадуешь чем-нибудь весёленьким о пингвинах и айсбергах?

Моё упрямство стало вызывать всеобщее недоумение. Мне дали понять, что раз уж я соизволил сказать «а», то теперь не имею права увилить от «б», так как одна макушка тянет за собой другую. Я отбивался, отшучивался, возмущался, но добился лишь того, что на меня стали смотреть как на злостного саботажника, который всякими правдами и неправдами ускользает от давно всеми решённого путешествия в Антарктиду.

А между тем по натуре я домосед, причём из самых отпетых. Даже выдернуть меня для прогулки в наш химкинский лесок, который столь заманчиво зеленеет в пятнадцати минутах ходьбы, сложное и порою мучительно трудное дело. Двигаться в пределах своей квартиры — вот идеал, к которому я всю жизнь стремлюсь и, увы, безуспешно, потому что за все время трудов на ниве литературы я собрал с потолка своего кабинета лишь чахлый урожайчик в два-три сюжета для рассказов.

Добила меня жена. Посмотрев однажды на своего терзаемого угрызениями совести мужа, она сказала:

— Раз уж так получилось с этими двумя макушками — то поезжай. Только обещай в пургу застёгивать шубу на все пуговицы.

Я собрал чемоданы и поехал в Антарктиду.

Мои предшественники в открытии Антарктиды

Быть может, другого, снедаемого тщеславием корреспондента угнетало бы то обстоятельство, что до него в Антарктиде уже побывали люди, которые сняли все сливки. Конечно, чего лукавить, приятно быть первооткрывателем: слава, цветы, автографы, влюблённые взоры девушек и прочее. Но, во-первых, эта слава зарабатывается нечеловечески тяжким трудом, и, во-вторых, она, увы, нередко бывает посмертной. Поэтому меня несколько не обескураживало, что моё открытие Антарктиды, быть может, не произведёт впечатления разорвавшейся бомбы. Так оно и произошло; правда, когда я вернулся на «Оби», три тысячи человек, ликуя, рванулись к борту, но на мои растроганные приветствия ответили лишь двое — жена и сын. Остальные 2998 встречающих обращались ко мне со словами любви и дружбы только тогда, когда я,

пытаюсь пробраться к своим, наступал на чьи-то ноги.

Как бы то ни было, моё открытие Антарктиды состоялось; более того, на карте ледового континента, возможно, появится моё имя, ибо волею обстоятельств мне было суждено побывать там, где ещё не ступала нога человека. В дальнейшем вы узнаете подробности открытия «Сугроба Санина» на внутриконтинентальной станции Восток, или полную драматических коллизий историю «зимовки в Антарктиде» неподалёку от станции Молодёжная. Думаю, что даже этот скромный вклад в изучение Антарктиды — ограничимся пока данным перечнем — даёт автору известное право связывать своё имя с географическими открытиями на шестом материке. Но, сознавая, что и до меня было сделано немало, считаю своим долгом совершить краткий экскурс в историю. Таким образом, я не только отдаю дань справедливости предшественникам, но и решительно отмечаю всякие возможные обвинения в чрезмерном преувеличении собственных заслуг.

Некоторое основание считаться одним из первых предшественников имеет знаменитый пират XVI века Френсис Дрейк. Скажем прямо, он гонялся не столько за славой, сколько за испанскими кораблями, которые доставляли в метрополию награбленное в Южной Америке и Вест-Индии золото. Корабли Дрейк топил, а золото перегружал на борт своей бригантин. В те времена за подобные валютные операции джентльмена удачи вешали на рею и не снимали до тех пор, пока он не давал клятву исправиться, но Дрейк, дорожа своим здоровьем, принял в долю влиятельного в Англии человека — королеву Елизавету. Не знаю, как они там делили добычу, но Дрейк получил звание адмирала и право грабить испанцев на законных основаниях, благодаря чему вошёл в историю Англии как один из её величайших патриотов. А с географией дело обстояло так. Однажды судьба и сильная буря загнали его корабли в далёкий южный пролив, отделяющий Огненную Землю от Антарктического полуострова. До Дрейка ещё никто, по-видимому, так близко к Антарктиде не подходил, и посему благодарное человечество назвало пролив его именем.

Но главный подвиг прославленного пирата, за который мы с вами, уважаемые читатели, должны ежедневно возносить ему хвалу, прямого отношения к Антарктиде не имеет. Дело в том, что он привёз из Америки в Европу первый мешок картошки, без которой ныне мы не мыслим своего существования. Так что, если вы сейчас собираетесь обедать, помяните Дрейка добрым словом.

Следующим к моему перечню идёт другой знаменитый англичанин, капитан Джеймс Кук, который двести лет назад открыл множество южных островов и великодушно подарил их своему монарху, не оставив себе ни одного. В то время крупнейшие учёные спорили на тему, вызвавшую бы снисходительную улыбку у сегодняшнего школьника: существует Южная Земля или нет? На проверку и был послан третейский судья Кук, который должен был либо открыть и присоединить к Британской империи Антарктиду, либо прекратить все разговоры о её существовании. Отважному капитану не удалось сделать ни того, ни другого; хотя он впервые в истории и пробился через Южный полярный круг, но сплошные льды, айсберги и пурга заставили его «Резолюшн» повернуть на Север. И Джеймс Кук заявил: «Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы!»

К заявлению Кука присоединился и такой авторитетный учёный, как Иммануил Кант, который не допускал, чтобы к югу от шестидесятих широт могла быть открыта сколько-нибудь крупная земля. Поэтому, несмотря на своё глубокое уважение к великому философу, я никак не могу включить его в число своих предшественников.

Внимание! Сто пятьдесят лет назад из Кронштадта вышли два парусника: «Восток» и «Мирный». В наши дни, когда подобные скорлупки пересекают океан — героев-мореплавателей показывают по телевидению, о них пишут газеты, и нет человека, который не мечтал бы заполучить автограф у легендарных храбрецов. В те годы ещё не было радио, телевидения и рекламы, и моряки зарабатывали не столько славу, сколько ревматизм и цингу. Слава приходила к ним позднее, хотя и не воплощённая в материальные ценности, но от этого ничуть не менее весомая в глазах благодарных потомков.

«Восток» и «Мирный», корабли русской экспедиции под командованием Беллинсгаузена и Лазарева, после многомесячных странствий во льдах, много раз пересекая Южный полярный круг и возвращаясь обратно, сумели наконец пробиться к неизвестной земле. Каждый читатель, которому уже доводилось открывать неизвестные земли, может легко представить себе восторг людей, впервые ступивших на материк, существование которого было поставлено под сомнение.

Это был тот самый Антарктический полуостров, отделённый от Южной Америки проливом Дрейка. Значительную часть его Беллинсгаузен нанёс на карту и совершил обряд крещения нескольких островов. На один из них, остров Ватерлоо, сто пятьдесят лет спустя ступила нога автора этих строк.

Итак, Беллинсгаузен и Лазарев перерезали ленточку и объявили Антарктиду открытой. Это произошло согласно опубликованным судовым документам 28 января 1820 года, а спустя несколько дней американский охотник на тюленей Палмер, бороздивший антарктические воды, также вышел размять ноги на материк. Эти несколько дней до сих пор не дают покоя некоторым географам. Они никак не могут простить Палмеру его оплошности и понять, что если бы даже Палмер знал, что может первым ступить на неизвестную землю, то наверняка променял бы этот не дающий ни цента прибыли приоритет на сотню бочек ворвани и несколько дюжин тюленьих шкур. Факт остаётся фактом: Палмер открыл уже до него открытую Антарктиду.

Отдавая должное последующим предшественникам — Уэдделлу, Биско, Смиту и некоторым другим, — отмечу, что ими, как и Палмером, двигала погоня не столько за географическими открытиями, сколько за китами и тюленями. Уэдделл в поисках тюленей заплыл в одно из самых больших и холодных морей на земном шаре, которое теперь носит его имя, равно как и тюлени Уэдделла, назвавшие себя так в знак признательности капитану за то, что он покинул море, не успев перебить их всех до единого.

К этому времени Антарктида получила наконец признание учёных; они поверили в неё и насели на свои правительства с требованием экспедиций. И с разных сторон к ледовому матерiku почти одновременно двинулись прославленный француз Дюмон-Дюрвиль, первооткрыватель многих тропических островов, и молодой энергичный англичанин Джеймс Росс. Антарктида высоко оценила заслуги обоих исследователей и навеки нанесла их имена на свою карту. Особенно значительны были успехи Росса: на своём «Эребусе» он забрался на юг до 78-го градуса южной широты, открыв по пути на побережье действующий вулкан. Чтобы сделать приятное своему кораблю, Росс назвал вулкан Эребусом, что значит «преисподняя». Королеве капитан подарил открытую им Землю Виктории, а самому себе — гигантский шельфовый ледник Росса по площади раза в три-четыре больше Англии.

А в канун XX века дошла очередь и до Южного полюса. Первым отправился на его

штурм норвежец Карстен Борхгревинк через ледник Росса. Но полюс знал, что достичь его суждено другому, и посоветовал храброму норвежцу не искушать судьбу. Однако, хотя Борхгревинк и зарулил своих собак обратно, рыцари географических открытий уже не могли успокоиться. И настало время не имеющего себе равных по драматизму антарктического поединка, в котором не было стрельбы, но который закончился гибелью побеждённого.

С двух разных сторон к Южному полюсу ринулись два великих путешественника: англичанин Роберт Скотт и норвежец Роальд Амундсен. Но если об экспедиции Скотта знал весь мир, то о намерениях Амундсена никто не подозревал, кроме умевшего хранить тайну экипажа «Фрама», доставшегося Амундсену в наследство от Нансена, и гренландских собак, давших обет молчания. Поэтому Скотт не торопился — это обстоятельство и сыграло трагическую роль в его судьбе. Когда он узнал о своём неожиданном сопернике, было слишком поздно — норвежец опережал англичанина на добрую сотню километров. К тому же Роберт Скотт, как истый представитель Альбиона, сделал ставку на лошадей, а Роальд Амундсен — на собак. И в заочном поединке победили собаки — маньчжурские пони Скотта пали, не выдержав борьбы со льдом. А Скотт и его товарищи вынуждены были сами впрячься в сани, в то время как экспедицию Амундсена к полюсу мчали собаки...

Вот что пишет Стефан Цвейг о безмерно трагической для Скотта минуте, когда он ценой неслыханных мучений достиг полюса: «...чёрный флаг, прикрепленный к поворотному шесту, развевается над чужой, покинутой стоянкой: следы полозьев и собачьих лап рассеивают все сомнения — здесь был лагерь Амундсена. Свершилось неслыханное, непостижимое: полюс Земли, тысячелетиями безлюдный, тысячелетиями, быть может с начала начал, недоступный взору человеческому, — в какую-то молекулу времени, на протяжении месяца открыт дважды. И они опоздали — из миллионов месяцев они опоздали на один-единственный месяц, они пришли вторыми в мире, для которого первый — все, второй — ничто! Напрасны все усилия, нелепы перенесённые лишения, безумны надежды долгих недель, месяцев, лет».

Но подвиг капитана Роберта Скотта, погибшего в пургу со своими товарищами от голода и холода в двадцати километрах от спасительного склада с продовольствием и топливом, не был напрасным. Найденные у тела начальника экспедиции его дневники, которые он вёл до последней минуты, их заключительные слова: «Ради бога, не оставьте наших близких», расшифровка последних дней и часов трагедии всколыхнули мир и сделали Роберта Скотта одним из самых светлых героев в богатой героями истории человечества.

Мечта всех полярников, зимующих в Антарктиде, — поклониться домику Роберта Скотта, построенному им перед броском на полюс неподалёку от вулкана Эребус, где ныне расположена американская станция Мак-Мердо. Из моих антарктических товарищей это удалось лишь лётчику Владимиру Афонину, рассказ о котором ещё впереди, и не удалось мне, хотя обстоятельства складывались так, что до самого ухода из Антарктиды я хранил эту надежду.

Итак, открытие Южного полюса осталось за Роальдом Амундсеном, что я констатирую не без сожаления, не потому, упаси бог, что ставлю под сомнение подвиг великого норвежца, а потому, что сохраняю детскую влюблённость в капитана Немо, который волею Жюль Верна водрузил на полюсе свой, тоже чёрный, флаг. Однако, несмотря на то, что Немо в действительности не было, полюс он всё-таки открыл раньше

Амундсена. Так что будем считать, что славу они делят по крайней мере поровну.

И ещё славные имена: упорнейший исследователь шестого континента англичанин Эрнест Шеклтон, не дошедший до самой южной точки планеты менее двухсот километров, и австралиец Дуглас Моусон, первооткрыватель Южного магнитного полюса.

Моусон — одна из наиболее симпатичных фигур в истории антарктических открытий. Во время путешествия по ледовому материку он, похоронив погибших товарищей, остался один в безмолвной снежной пустыне, больной, обмороженный, почти без всякого продовольствия — и это в ста шестидесяти километрах от лагеря! Проваливаясь в трещины и чудом выбираясь из них, продвигаясь вперёд по несколько километров в сутки, Моусон все же дошёл до лагеря — неповторимый подвиг, за который перед славным австралийцем всегда будут снимать шапки полярники мира.

Далее следует американец Ричард Берд. В 1929 году Берд впервые пролетел над Южным полюсом, потом несколько месяцев прозимовал в одиночестве, чудом остался в живых, совершил впоследствии множество походов и подарил Антарктиде на добрую память станцию, названную его именем.

С 1956 года ледовый материк прочно оседлали советские полярники. Основание обсерватории Мирный связано с именем Михаила Сомова, а до полюса холода и геомагнитного полюса Земли — будущей станции Восток, совершив уникальный санно-гусеничный поход по ледяному куполу, добрался Алексей Трёшников — выдающийся теоретик и практик советской полярной школы.

И к 1970 году в Антарктиде побывало уже пятнадцать советских экспедиций.

На этом позвольте закончить главу о моих предшественниках, к которым я время от времени буду возвращаться. Ниже последует правдивый и до предела документальный рассказ о моем путешествии в Антарктиду.

Несколько страниц прощания

В Антарктиду уходят из Ленинграда, с Васильевского острова.

У причала стоял «Профессор Визе», беленький, чистый, изящный. Он вызывал какие-то совсем не антарктические ассоциации. На таком корабле нужно, наверное, отправлять молодожёнов в свадебные путешествия — настолько его внешний вид создаёт впечатление лёгкости и беззаботности бытия, то есть как раз именно тех иллюзий, которые являются важными компонентами медового месяца, — нечто вроде розового масла в духах.

Но мы расставались отнюдь не с иллюзиями, а со своими жёнами — согласитесь, разница принципиальная. Они стояли рядом с нами и смотрели на красавец теплоход без всяких признаков восторга, как смотрят на разлучника, ибо в Антарктиду провожают надолго.

Большинство из тех, кого провожают, вернётся домой года через полтора. Это основной, зимовочный состав.

Меньшая часть полярников идёт «на сезон». Это примерно полгода.

Самое неопределённое положение у меня. В отличие от остальных членов экспедиции, имеющих чёткий план работы, я обязан делать лишь одно: соблюдать правила внутреннего распорядка и техники безопасности. Иными словами, примерно вести себя на судне и остаться в живых в Антарктиде. Контроль за выполнением правил

был возложен на меня. Я обязался глаз с себя не спускать и сурово пресекать малейшие нарушения. В случае же моей гибели я обещал не предъявлять никаких претензий и похоронить себя за свой счёт.

Неопределённой была и продолжительность моей поездки. По первоначальной договорённости я должен вернуться обратно на «Визе». Это означало, что в Антарктиде я могу пробыть всего лишь дней десять — срок, вполне достаточный для туриста, но совершенно неприемлемый для автора ненаписанной книги о шестом материке. На этот счёт у меня был план, которым я пока не делился с женой и который впоследствии, как увидит читатель, был успешно претворён в жизнь.

Вернёмся, однако, на причал. Я жадно осматриваю своих будущих товарищей. Их легко узнать по новым кожаным курткам и вязаным шерстяным шапочкам. Ребята крепкие, обветренные, таких я видел на Севере. А вот наконец и знакомые лица — меня пришли благословить Владимир Панов и Лев Булатов, бывшие сменные начальники дрейфующей станции «Северный полюс-15». Я рад их видеть. Мы успели подружиться там, на льдине, и я жалею, что на этот раз мы не будем вместе. Владимир Васильевич сильно поседел. Сам он не без юмора говорит об этом, но я знаю, какой опасной была его последняя, ещё не оконченная научная работа. Он исследует обледенение судов, явление, при котором случается оверкиль — судно переворачивается вверх килем, что приводит к его быстрой и неизбежной гибели вместе с экипажем. Вот Панов и поседел, хотя ему только сорок лет, — ведь свою научную работу он проводит не в кабинете, а в открытом море на обледеневшем судне, и были случаи, когда весь экипаж не мог уснуть, не зная, что мгновенье грядущее ему готовит.

Панов и Булатов на добрый десяток градусов поднимают моё минорно-прощальное настроение: оказывается, мне предстоит увидеть немало старых знакомых со станции СП-15!

Кончает долгую зимовку на станции Восток аэролог Володя Агафонов, три недели назад ушёл в Антарктиду на «Оби» мой сосед по домику на льдине Борис Белоусов, а со мной вместе идут на «Визе» механик Павел Андреевич Цветков и Василий Семёнович Сидоров — тот самый начальник дрейфующей станции «Северный полюс-13», которого вместе с тремя товарищами в последний момент спасли с расколотой льдины и о встрече с которым я писал в заключительной части повести «У Земли на макушке». Это тем более интересно, что Сидоров идёт начальником внутриконтинентальной станции Восток, а побывать на Востоке — моя тайная и заветная мечта.

Кроме того, на «Визе» идёт ещё один знакомый мне человек — штурман полярной авиации Игорь Петрович Семёнов. Мы познакомились в поликлинике, где вместе проходили изнурительное медицинское обследование на предмет годности поездки в Антарктиду и где после анализа крови, на который нужно было явиться натощак, съели на «брудершафт» плитку шоколада.

А вот и сам Игорь Петрович — стоит на трапе и фотографирует свою не очень весело улыбающуюся Людмилу Николаевну. Она провожает мужа на полгода — так, во всяком случае, думают она сама и Игорь Петрович, и оба они не подозревают, какой сюрприз преподнесут им обстоятельства через несколько месяцев. А сейчас Игорь Петрович мне подмигивает, показывает пальцем на ухо, и мы смеёмся: вспоминаем резолюцию на моем медицинском деле. Я триумфально прошёл все кабинеты и неожиданно потерпел фиаско у старушки Ухогорлонос. Она заупрявилась и ни и какую не хотела пропускать меня в Антарктиду, потому что я плохо слышу на правое ухо.

Новичок в Антарктиде

Автор: Administrator

25.08.2007 02:20 - Обновлено 25.08.2013 19:58

Тщетно я уговаривал, клялся и божился, что левым ухом слышу как летучая мышь, тщетно ссылаясь на Бетховена, который вообще был совершенно глух, но сочинял совсем неплохую музыку. Ухогорлонос тонко возражала, что, во-первых, я не Бетховен, а во-вторых, она хотела бы знать, как бы он сочинял свою «Аппассионату», когда вокруг него были бы сплошные ледники и айсберги. Целый день я дрался как лев за своё законное право стать антиподом и наконец добился уникальной резолюции: «Годеен как писатель». Обидно было начинать путешествие в столь приниженном положении — я сразу почувствовал себя ефрейтором, с которого содрали лычки, но Игорь Петрович меня успокоил. В Антарктиде, рассудил он, где каждая пара рабочих рук на учёте, даже писатель может принести некоторую пользу — например, в качестве мальчика на камбузе.

Промозглый ноябрьский ветер был бессилен рассеять толпу провожающих. Митинг прошёл, судовая трансляция многократно повторила: «Всем посторонним покинуть борт», а «посторонние», сдерживая и не сдерживая слезы, никак не хотели расставаться со своими полярными бродягами.

Мне ещё предстояло разобраться, почему человек полжизни добровольно проводит в условиях, сплошь начинённых трудностями и опасностями. С виду люди как люди, а почему-то вечно их тянет туда, где они будут мёрзнуть, бороться с пургами, полгода не видеть солнца, отчаянно скучать по детям и жёнам, театру и футболу, считать дни до возвращения. Там, на Севере, мне не удалось понять это до конца.

Ладно, разберусь.

Прощание, эта агония расставания, закончилось. «Профессор Визе» отчалил, и спустя несколько часов в навалившейся тьме мы уже с трудом различали огни Ленинграда.

...

Источник: <http://lib.aldebaran.ru>

Полную версию рассказа в формате "Word" Вы можете [скачать здесь >>>](#)